

УДК 94

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.43-59

ОБРАЗЫ СВЯТОЙ РАДЕГУНДЫ В ИСТОЧНИКАХ ЭПОХИ МЕРОВИНГОВ: ПИСЬМА, ЖИТИЯ, ИСТОРИЯ, ПОЭЗИЯ

Н.Ю. Бикеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются источники информации об известной раннесредневековой святой, королеве-монахине Радегунде, написанные ее современниками. Время создания этих текстов, явившихся базой для изучения образа Радегунды в последующие века, – последняя треть VI – начало VII вв. н. э. Фигура этой святой вырисовывается на основе разнообразных источников противоречиво и не ясно. В житиях создается образ идеальной христианки, в «Истории франков» содержится отрывочная фактическая информация, в письмах – отдельные сведения о повседневных заботах и нуждах монастыря, а в стихах проявляется личное отношение их автора к Радегунде. При этом лишь немногочисленные факты могут считаться бесспорно достоверными. В статье показано значение и особенности различных типов свидетельств: нарративных, агиографических, эпистолярных, поэтических – для изучения биографии и деяний св. Радегунды, проясняются цели создания документов и их аудитория. Статья иллюстрирует, что процесс мифологизации личности королевы-монахини начался еще в конце VI в. и продолжается до сих пор под влиянием политических, религиозных, идеологических, а также общих мировоззренческих установок. Делается вывод о том, что только изученные в комплексе, эти современные нашей героине источники могут способствовать более глубокому пониманию и осмыслению личности и деяний Радегунды.

Ключевые слова: Радегунда, Григорий Турский, Венанций Фортунат, Баудонивия, житие, агиография, аскетизм, женский монастырь, раннее средневековье

Что можем мы знать о королеве-монахине Радегунде, родившейся около 520 г. и умершей 13 августа 587 г. н. э.? В отличие от большинства своих «невидимых»¹ современниц (и многих современников-мужчин), она пользовалась уважением людей, знавших ее, и не была забыта после смерти. О ее жизни и деяниях известно из произведений, написанных в конце VI – начале VII вв. н. э. По меркам «темных веков»² это довольно много. О Радегунде мы можем узнать из «Истории франков» Григория Турского (Т.), одного из самых известных писателей

¹ Как пишет А.Г. Суприянович, в истории средних веков имена женщин «употребляются редко, чаще женщины определяются как дочери, сестры, племянницы соответствующих мужчин» (см. [1, с. 301]).

² Термин «темные века» одним из первых стал использовать итальянский поэт эпохи Возрождения Франческо Петрарка (1304–1374) для обозначения всей эпохи Средневековья. Позднее этот термин стали использовать по отношению к более узкому периоду VI – VIII вв., которые воспринимались как период регресса, упадка культуры и искусства по сравнению с античностью. Современная историография не столь однозначно рассматривает данный период раннего Средневековья.

второй половины VI в.; двух житий, принадлежащих перу людей, лично знакомых с ней, – поэту Венанцию Фортунату (F.; Ф.) и монахине Баудонивии (B.; B1; B2); а также из житий святых (T.L1) и мучеников (T.L2), созданных уже упомянутым Григорием Турским; стихов (V.C.)³, созданных Венанцием Фортунатом, писем Радегунды ее влиятельным современникам⁴ и поэм (V.C.), авторство которых некоторые историки приписывают королеве-монахине [2]⁵. До нас дошло также письмо к Радегунде Цезарии Младшей (C.), аббатисы женского монастыря Святого Иоанна в Арле.

Изученные в комплексе, эти современные нашей героине источники помогут в изучении личности и деяний королевы-монахини. При этом необходимо не только понять и исследовать их содержание, но и выяснить цели авторов документов и их аудиторию.

Наибольший интерес в первую очередь могут представлять тексты, написанные от первого лица. В нашем распоряжении имеется одно⁶ письмо-«завещание» Радегунды, адресованное «всем епископам»⁷. Текст этого письма включил в свое сочинение «История франков» епископ Григорий Турский (538 – ок. 594 гг. н. э.). Для исследователей на данный момент это единственная возможность «услышать» саму Радегунду. Она познакомилась с Григорием Турским в 70-е гг. VI в. Об их дружбе и взаимной поддержке мы можем сделать вполне обоснованный вывод (см., например, [4]). Именно Григорий Турский оказывал помощь Радегунде, когда это было необходимо, и даже после смерти королевы-монахини епископ Тура продолжал поддерживать ее монастырь. Когда Радегунда умерла в 587 г., Маровой, епископ Пуатье,⁸ отказался присутствовать на ее похоронах, отправившись в поездку по поместьям, именно Григорий Турский руководил прощальной церемонией с Радегундой. Конечно, Пуатье и Тур расположены очень близко, и связи между этими городами всегда были очень тесными, но участие Григория Турского в похоронах Радегунды носило во многом личный характер. Епископ Григорий вмешался в дело, формально находящееся за пределами его юрисдикции, поскольку монастырь Святого Креста располагался в соседней епархии Пуатье, которая находилась под столичной юрисдикцией Бордо, а не Тура.

Вполне вероятно, что Григорий Турский включил в текст «Истории франков» подлинное письмо Радегунды. Из содержания данного письма известно, что оригинал, «подписанный собственноручно» Радегундой, находится в «общем архиве церкви». В письме франкским епископам королева-монахиня говорит о причинах, побудивших ее основать монастырь, о важной роли, которую сыграл ее бывший супруг король Хлотарь I, выделив средства на строительство

³ До нас дошло одиннадцать книг разных стихотворений Фортуната. Стихи, посвященные Радегунде, содержатся в VIII и XI книгах.

⁴ Тексты этих писем приводит Григорий Турский в «Истории франков» (Т., IX, 42).

⁵ Более вероятным представляется, что автором этих поэм был Венанций Фортунат (см. [3]).

⁶ Известно еще о нескольких письмах Радегунды влиятельным людям, например, королю Сигеберту (сыну Хлотаря), византийской императорской чете – Юстину и Софии. Эти письма не дошли до нас, но о них известно из сочинения Григория Турского (Т., IX, 40) и жития, написанного Баудонивией (B., 16).

⁷ Возможно, это были епископы Евфроний Турский, Претекстат Руанский, Герман Парижский, Феликс Нантский, Доминиан Анжерский, Викторий Реннский и Домнол ЛеМанский, которые написали ответное письмо Радегунде в связи с основанием ее монастыря в Пуатье (Т., IX, 39).

⁸ В городе Пиктава (Пуатье) находился основанный Радегундой женский монастырь.

монастыря. Конвент св. Креста, построенный внутри стен г. Пуатье, насчитывал к 80-м гг. VI в. около 200 монахинь и распространял свою власть и влияние на город и его окрестности, конкурируя с местным монастырем св. Илария⁹. Женский монастырь находился под защитой франкских королей, влиятельных епископов, а также авторитета его основательницы – Радегунды, бывшей супруги короля Хлотаря I. Монахини этого монастыря принадлежали к верхушке франкского и галло-римского общества, а имущественный фонд обители был немалым благодаря щедрым дарам короля Хлотаря, других членов королевской семьи и влиятельных персон.

В письме Радегунда пишет: «Некогда я по божественному провидению и по вдохновению божественного милосердия, руководимая Христом, согласуясь со своим побуждением, освободилась от оков светской жизни и обратилась к монашеской жизни. Ревностно и от всей души заботясь о благе других, дабы с Божией помощью мои помыслы послужили на пользу остальным, я учредила в городе Пуатье девичий монастырь, который построил и приукрасил светлейший король Хлотарь. По основании монастыря я отдала туда в дар все то, чем меня одарил король по своей щедрости» (Т., IX, 42, с. 278).

Из этих слов видно, что королевская супружеская пара предприняла успешную попытку создать монастырь как «место власти»¹⁰. Радегунда открыто признает, что едва ли было возможным создать такой крупный монастырь без средств ее мужа, который понимал, какие возможности и преимущества предоставляло ему наличие большого и богатого монастыря.

Этот текст опровергает данные, имеющиеся в житии св. Радегунды, написанном Венанцием Фортунатом. Агиограф, создавая образ идеальной, аскетичной монахини, должен был как-то объяснить факт, что Радегунда, будучи в течение десяти лет супругой короля Хлотаря, не могла сохранить девственность. Вероятно, поэтому Фортунат акцентирует внимание на принудительном характере брака между Радегундой и Хлотарем. Последний после захвата области Тюрингии увез с собой дочь местных правителей в качестве пленницы и для обоснования своих прав на данную территорию впоследствии женился на ней. Фортунат всячески подчеркивает неприязнь, которую Радегунда испытывала к своему супругу. Агиограф пишет о том, что королева избегала близости с Хлотарем и в конце концов сбежала от короля в г. Нуайон под защиту епископа Медарда. В этом житии св. Радегунды говорится о желании Хлотаря вернуть Радегунду назад и наказать ее за бегство. Однако в своем письме Радегунда, как мы видим, по-иному говорит о своем уходе в монашескую жизнь. Это произошло с согласия и при поддержке короля Хлотаря.

Радегунда беспокоилась о благополучии и безопасности своего монастыря. Далее в указанном письме Радегунды мы можем прочитать о ее многочисленных страхах относительно будущего этого конвента. Хотя ей сопутствовали успех и поддержка при его основании, она не была уверена, что сможет без помех управлять им и устанавливать там собственные правила. Она опасается

⁹ Св. Иларий – покровитель г. Пуатье. Собор св. Илария был резиденцией местного епископа.

¹⁰ Выражение «место власти» часто встречается в современных исследованиях, посвященных истории раннего средневековья (см., например, [5, p. 88; 6, p. 61; 7]).

не только того, что ее преемницы забудут об Уставе¹¹, принятом в ее монастыре, или основах христианской веры. Она боится и за сохранность монастырского имущества и будущее самого монастыря:

«В случае моей смерти, если кто-либо... попытается ... нарушить спокойствие моей паствы недоброжелательным советом или судебным делом; или попытается нарушить устав, или захочет поставить другую аббатису вместо сестры моей Агнессы... или сами монахини... подняв ропот, попытаются изменить порядки; или какое-нибудь лицо или епископ самого города захочет... добиться какой-либо власти над монастырем или претендовать на имущество монастыря; или кто попытается, нарушив устав, уйти из монастыря или унести что-либо из вещей монастыря, пожалованных мне светлейшим государем Хлотарем и светлейшими королями, сыновьями его, ...и на которые я получила подтверждение благородных королей Хариберта, Гунтрамна, Хильперика и Сигеберта, скрепленное их клятвой и подписями; или какой-либо король, или епископ, или чиновник, или какая-либо из сестер-монахинь осмелятся взять и посягнуть на то, что принесли ради спасения своих душ другие или выделили из своего имущества другие сестры, или попытаются присвоить все это безбожным образом, – пусть всех их... покарает ваша святость и святость преемников ваших так, чтобы они как разбойники и грабители бедных были лишены вашей милости... Если же... кто-нибудь вопреки божьей воле и власти королей пожелает изменить вышеприведенные пункты завещания... или захочет в монастыре нанести вред кому-либо или имуществу и попытается причинить зло упомянутой сестре моей, аббатисе Агнессе, пусть того настигнет суд божий, святого креста и блаженной Марии и пусть блаженные исповедники Иларий и Мартин, кому после бога я передала для защиты моих сестер, сами выступят обвинителями и карателями» (Т., IX, 42, с. 279)

При чтении этого письма может возникнуть впечатление, что его автор чрезмерно обеспокоен возможными опасностями, и это не случайно. Радегунда, судя по всему, имела веские основания для тревоги. Монастырь был достаточно крупным¹², богатым и могущественным. Контролируя конвент (в том числе назначая новых аббатис и присваивая земли монастыря) любой король, епископ или крупный чиновник мог значительно усилить свои позиции. В «Истории франков» Григория Турского мы можем прочесть о том, что в 590 г. н. э., спустя всего два года после смерти его основательницы, монастырь подвергся нападению и разграблению (Т., X, 15–16). Если бы не вмешательство франкских королей, монастырь, без сомнения, вряд ли смог бы остаться тем влиятельным духовным центром, каким был при жизни Радегунды. Поддержка монастыря со стороны членов королевской семьи Меровингов имела очень большое значение для его выживания и процветания и в период его основания, и в дальнейшем.

---

¹¹ В раннее средневековье в монастырь нередко попадали не по своей воле. Подавляющее число монахинь состояло из знатных персон, родственниц королей и магнатов, от которых путем помещения в монастырь избавлялись их могущественные родственники. Для таких женщин монашеский образ жизни, с его обетами нестяжания, послушания и целомудрия, не был результатом индивидуального и рационального выбора. Конечно, нельзя отрицать серьезность жизненного выбора многих монахинь и монахов или глубину их веры, но далеко не все следовали данным обетам, и монашеская жизнь для многих из них не была привлекательной. Конечно, у этих «вынужденных» монахинь не было подлинного монашеского рвения [8].

¹² В житии Баудонивии сказано, что смерть Радегунды оплакивало более 200 монахинь (В., 21-22).

До нас дошли также три послания, написанные от лица Радегунды. Два из них – это стихотворные поэмы «О разорении Тюрингии» (“*De Excidio Thoringiae*”) и «К Артахию» (“*Ad Artachis*”) (F.C., pp. 271–275; Ф.С., с. 179–184). Они были адресованы родственникам королевы-монахини, проживавшим в Константинополе, – двоюродному брату Амалафреду¹³ и племяннику Артахию, последним уцелевшим представителям королевской семьи Тюрингии, которая была захвачена франками в 531 г. Эти поэтические послания были, по всей вероятности, отправлены в 568 г. с посольством в Константинополь вместе с просьбой о предоставлении женскому монастырю в Пуатье важной христианской реликвии – частицы св. Креста.

После получения от византийской императорской четы реликвии, в ответ была отправлена благодарственная поэма «*Ad Justinum et Sophiam Augustos*» (F.C., p. 27), в которой от имени Радегунды была выражена благодарность за присланные дары. Некоторые исследователи утверждали, что автор этих поэтических посланий не кто иной, как сама Радегунда. На этом основании эти произведения были включены в сборники «женских текстов» [9, p. 298; 2]. Существуют и другие мнения – об авторстве Венанция Фортуната, например, хотя и не отрицается возможность участия Радегунды в их написании [10, p. 79; 11, p. 88]. Один из крупнейших исследователей творчества Венанция Фортуната, Дж. Джордж полагает [12, p. 237], что главные произведения Фортуната конца 60-х годов VI в. так или иначе связаны с Радегундой, ее монастырем, и реликвией святого Креста¹⁴. Французский историк Б. Дюмезиль также считает, что Фортунату было поручено составление поэтических посланий в Константинополь, написанных от лица Радегунды [13, с. 145]. По мнению Б. Дюмезиля, Фортунат был направлен в Пуатье франкским королем Сигебертом I с целью помочь Радегунде составить письмо византийскому императору и его супруге¹⁵. Как раз в это время (568 г.) Сигеберт пытался восстановить мирные отношения с империей. Радегунда, пожелавшая как раз в это время получить от императора для своего пуатевенского монастыря реликвию св. Креста, предоставила франкскому правителю для этого удобную возможность [13, с. 145–146]. Поэтому, когда королева-монахиня написала королю Сигеберту письмо с просьбой разрешить ей направить клириков в Константинополь (Т., IX, 40, стр. 275; В., 16, p. 388), король согласился. Учитывая, что в 568–569 гг. Сигеберт и Юстин II намеревались заключить мирный договор между Византией и Австразией¹⁶, вполне вероятно, что запрос и отправку реликвии святого Креста следует рассматривать в контексте этих политических переговоров.

Основной целью поэтических посланий было объяснить византийским правителям, кто такая Радегунда и почему она достойна получить ценную христиан-

¹³ К тому времени Амалафред, вероятно, уже умер. Знала ли Радегунда о смерти своего двоюродного брата? Нельзя полностью исключить, что об этом ей было известно, поэтому написание ему письма могло преследовать другие, скрытые цели. Вероятно, родственные связи Радегунды были использованы как предлог для отправки поэм.

¹⁴ В их числе самые известные произведения Фортуната – два стихотворения-гимна, ставшие частью литургии в католической церкви – «*Vexilla regis prodeunt*» и «*Pange, lingua, gloriosi proelium certaminis*». Эти гимны были написаны им в подражание римским военным песням в честь перенесения в Пуатье реликвии святого Креста.

¹⁵ Б. Бреннан высказывает предположение о том, что совет пригласить для составления писем Фортуната королю Сигеберту мог дать турецкий епископ Евфроний, предшественник Григория Турского [14, p. 61].

¹⁶ Часть королевства Меровингов, которая досталась Сигеберту после раздела между сыновьями Хлотаря.

скую реликвию. В поэме «О разорении Тюрингии» тщательно описываются бедствия, которые франки способны причинить своим врагам. При этом подчеркивается, что меровингские короли питают к Радегунде почти сыновнюю любовь:

*Препоручи меня властителям франков, молю я,
Кои, как мать, чтут во благочестье меня*¹⁷.

В этой поэме падение Тюрингии сравнивается с падением Трои, а Радегунда – с троянской женщиной, оплакивающей потерю брата. Эпическая природа поэмы позволяет представить Радегунду как героическую личность, при этом подчеркивается ее королевский статус и лояльность к империи.

Эта поэма, несомненно, имеет несколько смыслов (и политический, и религиозный), но, кроме этого, она акцентирует внимание на роли императрицы Софии, поскольку «дипломатические связи римлян и варваров во многом поддерживались через женщин» [13, с. 146].

Кроме этих поэтических посланий, приписываемых Радегунде, и рассмотренного выше письма королевы-монахини «всем епископам», включенного Григорием Турским в свое сочинение, у нас нет других источников, написанных ею. Основная информация о Радегунде исходит от внешних наблюдателей, прежде всего от Григория Турского, одного из самых известных раннесредневековых писателей, автора уже упомянутого выше обширного исторического труда «Десять книг истории», более известного сегодня как «История франков». Это сочинение предположительно было написано в период между 576 и 592 гг. [13, с. 8]. С 573 г. Григорий получает сан епископа г. Тур и становится важным участником политической и церковной жизни меровингской Галлии.

Многочисленные исследователи признают за Григорием Турским талант рассказчика. В «Истории франков» создана яркая и насыщенная картина жизни людей меровингской Галлии, полная драматических и жестоких событий. При этом сегодня все больше исследователей стремятся связать тщательный анализ повествования Григория с историческим контекстом, в котором оно создавалось. Это позволяет критически переоценить реконструкцию событий, разворачивающихся в тексте епископа Турского. Современные ученые пишут о его чрезмерной субъективности и об отсутствии у него научной строгости [15, pp. 71–93; 16]. Конечно, Григорий Турский отстаивает интересы церкви и решает прежде всего дидактические и идеологические задачи. Не случайно в тексте «Истории франков» Бог слишком часто поражает его врагов. Однако при всем этом ценность его труда не может быть поставлена под сомнение.

Радегунде в «Истории франков» отведено особое место. Впервые она упоминается в третьем томе, автор показывает ее значительной и уважаемой персоной, подчеркивает ее королевское достоинство и благочестие (Т., III, 7, с. 65).

Впрочем, о самой Радегунде из текста «Истории франков» мы, к сожалению, много не узнаем. Автор сообщает, что она в качестве военного трофея попала к королю Хлотарю, который позднее женился на ней¹⁸. Потом он «коварно

¹⁷ “*Ut me commendes Francorum regibus oro, / qui me materna sic pietate colunt*” (F.C., pp. 165-166). Здесь нами использован перевод, сделанный Р.Л. Шмариковым (Ф.С., с. 184).

¹⁸ Об этом также пишут оба ее агиографа (Ф., Ф., В., Б.).

убил ее брата»¹⁹, после чего она, «обратив все свои мысли к богу... построила для себя монастырь в городе Пуатье» (Т., III, 7, с. 65). Григорий Турский сообщает, что она прославилась такими деяниями, как молитвы, посты, раздачи милостыни, и «почиталась в народе великой» (Т., III, 7, с. 65). В доказательство своих слов Григорий апеллирует к ней, что свидетельствует о ее авторитете: «А чтобы убедиться в том, что это правда, спросите Радегунду из Пуатье...» (Т., VII, 36, с. 211). При этом она могла противостоять сильным мира сего. Когда король Хильперик, один из сыновей Хлотаря, решил забрать из монастыря св. Креста в Пуатье свою дочь от предыдущей жены, чтобы выдать ее замуж за сына Вестготского короля, Радегунда не допустила этого, сказав, что «не подобает девушке, посвященной Христу, вновь возвращаться к земным радостям» (Т., VI, 34, с. 180).

Вместе с тем духовное и общественное влияние Радегунды и ее обители вызывало у некоторых людей сильное беспокойство и даже враждебность. Об этом тоже можно сделать вывод на основе «Истории франков». Так, например, епископ Пуатье Маровей видел в королеве-монахини и ее конvente серьезного соперника и угрозу своему статусу духовного лидера в этой местности. С IV в. в г. Пуатье почитался культ св. Илария Пиктавийского (ок. 315–367 гг.) – первого епископа этого города, христианского богослова и учителя церкви. Епископы Пуатье всячески поддерживали этот культ. В церкви св. Илария в Пуатье находились мощи святого. Поэтому, когда Радегунда получила в дар для своего монастыря ценную христианскую реликвию – фрагмент древа св. Креста, местный епископ воспринял это враждебно. Конечно, такая реликвия была бесценным приобретением для любого собора меровингской Галлии, и Радегунда использовала все свои королевские связи, чтобы получить ее для своего монастыря. Но обретение Радегундой такой значимой христианской святыни представляло значительную угрозу для служителей культа св. Илария, от развития которого зависел авторитет пуатевенского епископата.

Из «Истории франков» известно, что произошло, когда реликвия св. Креста прибыла в Пуатье из Константинополя. Радегунда попросила Маровея внести ее в монастырь «со всеми должными почестями и под громкое пение псалмов» (Т., IX, 40, с. 275), но тот пренебрег ее просьбой, предпочтя уехать из города в одно из своих загородных поместий. Радегунда тогда написала королю Сигеберту, «умоляя его, чтобы по его повелению кто-нибудь из епископов поместил эти святые реликвии в монастыре с соответствующими почестями, как она того хотела» (Т., IX, 40, с. 275). Сигеберт направил Евфрония, который в то время был епископом Тура, исполнить просьбу Радегунды. Евфроний прибыл в Пуатье 19 ноября 569 г. и совершил «ритуал перенесения реликвий в монастырь с громким пением псалмов, с зажженными свечами и при воскурении ладана» (Т., IX, 40, с. 275). С тех пор монастырь, основанный Радегундой, стал носить имя св. Креста.

Источники сообщают о чудесах, совершавшихся в присутствии этой реликвии. Свидетелем одного из них еще при жизни Радегунды стал Григорий Турский. Во время посещения ее монастыря он заметил, что из лампы, установленной

---

¹⁹ О брате Радегунды и его смерти от руки Хлотаря кроме Григория Турского сообщает в житии Венанций Фортунат. Для последнего убийство брата стало причиной бегства Радегунды из королевского дворца под защиту епископа Медарда (F., 12, p. 368; Ф., 12, с. 193).

перед ковчегом, на пол капает масло. Увидев под лампадой блюдо, в которое стекало масло, Григорий решил, что лампада треснувшая, и спросил у настоятельницы, почему лампаду не поменяют на такую, из которой масло не будет капать. Настоятельница ответила, что подобное происходит из-за силы Креста, а не из-за трещины. Заглянув в лампаду, Григорий увидел, что масло в ней буквально кипит, из-за чего оно и капает на пол (Т.Л2, р. 5).

Хотя Григорий Турский подчеркивает уважительное отношение Радегунды к епископам²⁰, между ней и Маровеем, который стал епископом Пуатье приблизительно в 568 г., отношения были враждебными. По мнению Григория Турского, епископ Маровей игнорировал Радегунду и ее конвент, хотя последний находился под его патронатом. После смерти королевы-монахини епископ Пуатье не захотел даже присутствовать на ее похоронах и благословлять могилу, хотя именно ему следовало проводить погребальный обряд (Т.Л1, р. 104). Он передал через служителя, что слишком занят поездками по приходам. Поэтому монахиням конвента Святого Креста в Пуатье пришлось обращаться к Григорию Турскому, чтобы тот провел церемонию. Когда Григорий приехал в монастырь и взглянул на гробницу, он увидел «сияющее ангельское лицо, обрамленное розами и лилиями, и он почувствовал страх и трепет... как будто стоял пред самой святой Девой» (В., 23, р. 392-393; Б., 23, с. 220).

Григорий Турский в «Истории франков» сообщает о ее смерти 13 августа 587 г., о горе монахинь и своем присутствии у нее на похоронах (Т., IX, 2, с. 247). Более подробно о ее смерти и похоронах он пишет в другом своем сочинении – «О славе исповедников» (*“Liber de Gloria confessorum”*) (Т.Л1). Из него следует, что Радегунду стали почитать в народе как святую сразу после смерти, и к ее мощам началось паломничество (Т.Л1, р. 104). Григорий Турский, присутствовавший на похоронах королевы-монахини, сообщает, что ее лицо сияло ярко, а тело, бережно обложенное травами, долго находилось в храме. Нескончаемый поток верующих прощался с великой святой, и все это время ее тело излучало благоухание (Т.Л1, р. 104).

Но более значительное место в «Истории франков» отведено событиям, которые произошли в монастыре Радегунды через два года после ее смерти. Там в 589–590 гг. вспыхнул мятеж. Об этом событии известно только благодаря Григорию Турскому, других источников нет. Интересно, что хотя в тексте нет недостатка в примерах междоусобиц, вражды, стихийных выступлений, сопровождавшихся насилием, грабежами и убийствами, тем не менее, описанию смуты в женском монастыре г. Пуатье в книге отведено достаточно большое место, ход события представлен с множеством деталей и цитированием писем и высказываний участников конфликта. С большим основанием можно предположить, что для турского епископа данное событие представляло большой интерес и воспринималось как заслуживающее внимания.

О данном событии совершенно не пишут Венанций Фортунат и Баудонивия, авторы двух житий св. Радегунды, которые знали об этом²¹. Агиографы

²⁰ «Она вместе со своей паствой всегда подчинялась и была послушна прежним епископам» (Т., IX, 40, с. 275).

²¹ Во время случившихся в 589–590 гг. волнений в монастыре Венанций обращался к Григорию Турскому с двумя посланиями, привлекая внимание к этой опасной ситуации (F.C., 12, 12a, р. 202).

не сообщают о мятеже в монастыре, поскольку он наносил сильный удар не только по репутации конвента, но и бросал тень на саму основательницу. В отличие от авторов житий, Григорий Турский мог более свободно упоминать обо всем, что представлялось ему и его современникам интересным. Он был прекрасно осведомлен о том, что происходило в Пуатье, в том числе о конфликте в монастыре св. Креста. Более того, он был не только очевидцем, но и активным участником этих событий, к нему обращались за помощью в разрешении конфликта представители обеих сторон. Поэтому в его «Истории франков» мы находим самое подробное описание данного события.

Не вызывает сомнения, что эти события, а также враждебное отношение епископа Маровея мешали признанию святости Радегунды. Вероятно, это послужило стимулом для первого агиографа Радегунды Венанция Фортуната содействовать этому путем создания жития, в котором он рассказал о чудесах, совершенных святой. Хотя точное время написания Фортунатом жития св. Радегунды неизвестно, по всей вероятности, это произошло через несколько лет после ее смерти.

Житие является одним из самых распространенных и востребованных жанров средневековой литературы. Эти «священные биографии» были предназначены для широкой аудитории, в том числе и для необразованных людей, не владеющих латынью. Несмотря на стереотипность житийных текстов, наличие в них общих мест (топосов) они в то же время демонстрируют большое разнообразие. Это зависело от целей заказчиков и авторов житий, предполагаемой аудитории и других факторов.

Радегунде посвящены два жития, принадлежащие перу ее современников. Образ аскетической королевы и совершенной монахини, созданный в этих произведениях, оказал большое влияние на последующую агиографическую традицию [6, р. 20].

Инициатором увековечивания памяти о Радегунде как о святой стал автор ее первого жития – Венанций Фортунат, один из самых известных латинских поэтов и церковных писателей эпохи Меровингов. Он был образованнейшим человеком своего времени, получил риторическое образование в Италии, а в 565 г. отправился в Галлию. В качестве поэта и автора панегириков он в течение двух лет побывал при дворах разных франкских королей, затем обосновался в г. Пуатье, где и скончался приблизительно в 600 г. В последние годы жизни он получил сан епископа Пиктавийского.

Около двадцати лет Фортунат прожил при монастыре св. Креста в Пуатье, будучи духовным наставником Радегунды²². К ней он испытывал искренние дружеские чувства [17, с. 105–107] и сильно горевал после ее смерти²³. Он сразу озаботился, чтобы церкви Галлии почтили Радегунду в качестве святой.

В житии, посвященном св. Радегунде, Фортунат подчеркивает ее религиозный подвиг во славу Бога, который для автора жития связан прежде всего с понятием «мученичества». Но прежняя модель мученической гибели от рук язычников

²² Он познакомился с Радегундой приблизительно в 567 г., вскоре после того, как был основан ее монастырь. Фортунат остался жить в Пуатье, в монастыре Святого Креста, где в том же году принял постриг. В 576 г. благодаря поддержке Радегунды поэт был рукоположен в сан священника. В монастыре св. Креста он проживал вплоть до ее смерти в 587 г.

²³ После смерти и похорон Радегунды Фортунат на некоторое время даже уехал из Пуатье, чтобы залечить свою душевную рану.

в этот период постепенно замещается добровольным «самоумерщвлением» путем крайнего аскетизма.

В образе Радегунды воплотились христианские идеалы смирения, морального совершенства, сосредоточения всех душевных сил на служении Богу при полном отрешении от мира. Почти треть духовной биографии Радегунды Венанций Фортунат посвятил описанию совершенных ею чудес, среди которых способность лечить больных и слепых (F., 20, 27, 29, 32, 34, 35, 38; Ф., 20, 27, 29, 32, 34, 35, 38), воскрешать из мертвых (F., 34, 37; Ф., 34, 37), исцелять одержимых (F., 28, 30, 33; Ф., 28, 30, 33), освобождать заключенных (F., 38; Ф., 38), усмирять природные силы (F., 31; Ф., 31) и др.

Способность Радегунды творить чудеса должна была свидетельствовать о ее святости. Рассказывая о воскрешении ею мертвых, Фортунат сопоставляет ее с главным покровителем франкской монархии и патроном города Тур – св. Мартином²⁴, который был главным покровителем франкской монархии.

Таким образом, целью написания Фортунатом духовной биографии св. Радегунды было его стремление способствовать основанию и распространению ее культа через увековечивание памяти о ней как о святой и мученице. Также напоминание о знаменитой основательнице обители св. Креста в Пуатье, прославленной своими добродетелями, героическими деяниями и чудесами, должно было привлечь внимание сильных мира сего к нуждам созданного ею монастыря. Фортунат, описывая деяния Радегунды, возможно, попытался помочь вернуть доброе имя и славу основанному ею монастырю. Но, судя по всему, Венанцию Фортунату не удалось достичь этих целей. Одной из главных причин этого было то, что он ни разу не упоминает в житии о реликвии св. Креста.

Этим объясняется необходимость создания новой духовной биографии святой. К этому времени Венанций Фортунат уже умер, и задача написания второго жития была поручена монахини монастыря св. Креста – Баудонивии. Автор подчеркивает прежде всего практическую пользу признания святости своей героини и реликвий, добытых ею.

Новое житие Радегунды было написано примерно через 10–15 лет после первого, вероятно, в 605–610-х годах. Баудонивия, так же как и Фортунат, лично знала святую и была знакома с текстом первого жития св. Радегунды. В прологе монахиня пишет, что не собирается повторять то, что уже известно из сочинения Фортуната. Текст Баудонивии сосредоточен главным образом на описании жизни Радегунды в обители св. Креста, ее взаимоотношениях с монахинями. Кроме того, автор второго жития уделяет большое внимание поиску и обретению Радегундой реликвий, которые хранились в монастыре и в дальнейшем могли способствовать его превращению в место паломничества. Образ святой королевы в житии, написанном Баудонивией, также тесно связан с такой функцией, как патронат, то есть защита и покровительство почитающего его сообщества²⁵.

Баудонивия, как и Фортунат, описывает аскетизм и смирение своей героини через следующие детали: продолжительные молитвы и посты, раздача пищи

²⁴ Житие св. Мартина, созданное римским писателем Сульпицием Севером (С.С.) в конце IV в. н. э., очевидно, послужило для Фортуната образцом для написания духовной биографии Радегунды.

²⁵ О необходимости заботиться о бедных и нуждающихся сообщают и постановления местных церковных соборов этого времени (см., например, (П., с. 5)).

паломникам и нуждающимся, омовение ног больных собственными руками; отказ от служанки, хорошей пищи, мягкой пуховой кровати и шелковой роскошной одежды (В., 8–10; Б1, 8–10). Подобное описание является одним из распространенных житийных топосов, но, насколько оно соответствовало реалиям жизни Радегунды в монастыре, неизвестно.

При этом на страницах жития Бaudонивии Радегунда предстает как сила, способная защитить монастырь от любой внешней угрозы. Агиограф приводит примеры того, как Радегунда не раз спасала обитель от демонов, осеняя его крестным знаменем (В., 18–19; Б2, 18–19).

Бaudонивия подчеркивает знатное происхождение своей героини, сообщая нам в первой главе, что Радегунда «унаследовала благородство». Являясь королевой-христианкой, святая старается искоренять язычество и распространять христианство в королевстве (В., 2; Б1, 2). Уйдя в монастырь, Радегунда никогда полностью не прерывала связи с внешним миром. После того как король Хлотарь помог ей учредить конвент в Пуатье, она умело поддерживала с ним хорошие отношения, продолжая получать от него немалые средства для своего монастыря. После смерти Хлотаря в 561 г. она, пользуясь «благосклонностью четырех своих пасынков» (Хариберта, Гунтрамна, Сигеберта и Хильперика), посылала письма этим меровингским королям и стремилась к установлению мира между ними (В., 10; Б1, 10)²⁶. Другим важным видом деятельности Радегунды на благо монастыря (и королевства в целом) был поиск и обретение ею реликвий. Бaudонивия в тексте жития сообщает о письме королю Сигеберту, в котором королева-монахиня указала на то, что наличие реликвий будет способствовать не только большому религиозному рвению населения, но и «благосостоянию всего отечества и стабильности королевства» (В., 16; Б2, 16).

Таким образом, в сочинении, написанном Бaudонивией, Радегунда предстает в образе не только идеальной святой, но и «праведного правителя». Радегунда вполне осознанно использует свое знатное происхождение и родственные связи, чтобы достичь своих целей. Она полагается на помощь могущественных людей – епископов и магнатов, посылая им подарки и письма. Формально не являясь аббатисой своего монастыря, она фактически осуществляла полный контроль над повседневной жизнью, воспитанием и образованием монахинь, назначала на должности тех, кого хотела.

Фортунат стремится прославить саму Радегунду, поэтому его сочинение носит апологетический характер, а центральным элементом жития становится тема добровольного мученичества и аскезы. Цель Бaudонивии – повысить влияние и роль конвента св. Креста в Пуатье путем дальнейшего продвижения культа святой. Таким образом, несмотря на стереотипность житий как жанра и стремление их авторов создать образ идеальной христианки, а не реальной женщины, эти тексты все же проливают свет на обстоятельства жизни реальной, а не идеальной Радегунды. Они не только обрисовывают контекст, в котором существовал монастырь, и описывают жизнь обители, но также касаются мирских дел и событий.

---

²⁶ Хотя, судя по непрекращающимся междоусобицам между королями, деятельность Радегунды по установлению мира в королевстве большого успеха не имела.

В обоих житиях есть некоторые отсылки к прежней жизни Радегунды при дворе Хлотаря до ухода в монастырь. Из жития Фортуната следует, что королева-монахиня после захвата в плен воспитывалась при дворе Хлотаря, получив навыки чтения и письма. Второй агиограф Радегунды, Баудонивия, пишет, что в монастыре св. Креста большое внимание уделялось обучению монахинь грамоте и чтению. Но можем ли мы что-то узнать о личной жизни Радегунды, о ее чувствах, о том, какова была ее жизнь в браке? Венанций Фортунат в тексте жития сообщает, что в браке Радегунда «была более монахиней, чем женой» (F., 3; Ф., 3). Уже в этот период, еще не уйдя в монастырь, она усердно постилась и ограничивала себя в земных благах и радостях, смиренно помогала бедным и больным и много молилась (F., 3–9; Ф., 3–9). Однако нельзя забывать, что жанр жития предполагает наличие определенных топосов. Авторы житий всегда стремились подчеркнуть благочестие и набожность своих героинь и героев, их стремление избежать мирских соблазнов и удовольствий. Что было в действительности, сказать с уверенностью мы не можем. Известно только, что в браке с Хлотарем Радегунда прожила около 10 лет, срок в общем немалый. Почему ее суровый и безжалостный муж мирился с подобным поведением супруги? Авторы научно-популярной литературы и исторических романов [18; 19] склонны считать, что Хлотарь любил Радегунду, женщину незаурядную, умную и красивую (хотя о ее внешности нам ничего неизвестно), и поэтому прощал ей все.

Но для Фортуната, как автора жития, нужно было подчеркнуть принудительный характер брака, он показывает Хлотаря жестоким человеком, к которому героиня жития испытывала негативные чувства. Последней каплей стало убийство брата Радегунды (Т., III, 7; F., 12; Ф., 12), после которого она посвящает себя Богу. Ее супруг пришел в ярость, и Фортунат описывает, как слуги короля ворвались в церковь, пытаясь вернуть ее обратно во дворец. Однако Баудонивия считает, что Радегунда основала монастырь с согласия Хлотаря, и бывшие супруги сохраняли хорошие отношения до самой смерти короля в 561 г. (B., 4–5; B1, 4–5). Баудонивия подчеркивает, что король оказывал поддержку основанному ей монастырю²⁷. Таким образом, два жития противоречат друг другу в данном вопросе.

Помимо писем, исторических сочинений и агиографических текстов, есть еще один тип источника информации о ней. Это стихи, написанные Венанцием Фортунатом. С 576 г. он собрал более сотни стихотворных посланий в сборник «Стихотворения» (“*Carmina*”), много стихов было добавлено в этот сборник позже (F.C.). Это важный источник сведений о правящих кругах меровингской Галлии, и Радегунда часто упоминается в нем.

Хотя Фортунат в стихах восхваляет практически всех властных персон²⁸, судя по всему, о Радегунде он пишет искренне. Большую часть жизни Фортунат жил за счет монастыря св. Креста в Пуатье, поскольку являлся его духовным настоятелем.

В обществе образованной, умной и приветливой Радегунды²⁹, а также ее духовной дочери Агнессы, являющейся аббатисой монастыря, Фортунат приятно проводил время. Он мог не только выполнять обязанности наставника монастыря,

²⁷ Об этом пишет и сама Радегунда в письме «всем епископам» (Т., IX, 42).

²⁸ Его для этого приглашали ко дворам королей и магнатов.

²⁹ Такими эпитетами Фортунат описывает ее в своих стихах.

заниматься поэтическим и писательским творчеством, но и наслаждаться житейскими радостями – общением и хорошей едой, ведь Радегунда сытно и изысканно кормила его³⁰, хотя сама, как следует из текста обоих житий, соблюдала по всей строгости монастырский устав и неуклонно выполняла все обязанности простой монахини. Но в монастырь часто приезжали богатые и знатные персоны, и королева-монахиня умела принимать их у себя в обители. Фортунат, восхвалявший ее интеллектуальные способности не только в житии (F., 2; Ф., 2), но и в своих стихах, утверждает, что своим умом Радегунда превзошла даже образованных женщин из окружения св. Иеронима. В стихах, посвященных Радегунде, Фортунат приводит список авторов, которых она любила читать: Григорий Назианзин, Василий Кесарийский, Афанасий Александрийский, Иларий Пиктавийский, Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Августин Аврелий, Целий Седулий, Павел Орозий (F.C., VIII, 1).

По-видимому, с Фортунатом Радегунду связывало искреннее чувство привязанности. В стихотворении «К госпоже Радегунде о своем путешествии» (F.C., XI, 25) он красочно и эмоционально описывает ей природу во время своего плавания по реке Луаре, пишет, что скучает по Радегунде. Кроме Фортуната королева-монахиня была привязана к аббатисе Агнессе³¹, в лице которой она обрела дочь не как наставница монахинь, а как истинная мать³². Как пишет в своих поэмах Фортунат, они втроем прекрасно проводили время в беседах и чтении стихов. В монастыре в окружении этих двух дорогих ее сердцу людей Радегунда могла быть по-настоящему счастлива.

Королева-монахиня Радегунда была одной из первых раннесредневековых святых женщин, основавших крупнейший конвент в меровингской Галлии. Последняя треть VI – начало VII вв. – время, когда создавались основные источники, явившиеся базой для изучения образа Радегунды в последующие века. Процесс мифологизации ее личности начался еще в конце VI в. и продолжается до сих пор. На протяжении веков ее образ постоянно изменялся под влиянием политических, религиозных, идеологических, а также общих мировоззренческих установок.

Этот образ вырисовывается на основе разнообразных источников противоречиво и не ясно. Среди безусловно достоверных могут быть указаны лишь немногочисленные факты. Остальное – наши предположения. Радегунде повезло, что ее друзьями были лучшие писатели эпохи Меровингов – Григорий Турский и Венанций Фортунат, которые уделили ей внимание в своих сочинениях.

Мирской период жизни Радегунды представлен в источниках значительно меньше, чем ее жизнь в монастыре. Из писем и «Истории франков» мы получили отрывочные сведения о некоторых событиях ее жизни, основанном ею монастыре. Жития изображают идеальную христианку³³, но и в них можно встретить реальные факты и исторический контекст, в котором существовал ее монастырь.

³⁰ Так следует из стихов Фортуната (F.C., XI, 9-12).

³¹ Радегунда сама сделала Агнессу аббатисой, и в письме всем епископам, о котором говорилось выше, она больше всего беспокоится об Агнессе и ее будущем.

³² Своих детей у нее не было.

³³ Правда, авторы житий ставят различные цели, поэтому образы Радегунды у Фортуната и Баудонивии различаются.

Стихи Фортуната (как и письмо Радегунды «всем епископам») позволяют немного проникнуть в ее чувства, приподнять завесу над ее личной жизнью.

Однако, рассмотренные в комплексе, источники рисуют образ уважаемой и влиятельной особы, независимой и упорно добивающейся поставленных целей, но при этом ценившей дружеские чувства, заботливой и щедрой к тем, кого она любила, образованной и умной, способной оценить изящный стих и утонченную беседу.

Источники

- B. – *Baudonivia*. De Vita Sanctae Radegundis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. by B. Krush. – Hannover, 1888. – Т. II, V. 2. – P. 377–395.
- C. – *Caesaria*. Dominabus sanctis Richildae et Radegundi Caesaria exigua (Epistola) // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. by B. Krusch. – Hannover, 1969. – Т. I, V. 1. – P. 476–499.
- F. – *Fortunatus V*. De Vita sanctae Radegundis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. by B. Krush. – Hannover, 1888. – Т. I, V. 2. – P. 364–376.
- F.C. – *Venantius Fortunatus*. Carmina // Monumenta Germaniae historica: Auctorum Antiquissimorum: 15 t. / Ed. by F. Leo. – Berlin, 1881. – Т. IV, V. 1. – P. 55–64.
- T. – *Gregorius Turonensis*. Decem libri historiarum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. by B. Krusch, W. Levison. – Hannover, 1961. – Т. I, V. 1 – URL: <http://www.thelatinlibrary.com/gregorytours.html>, свободный.
- T.L1 – *Gregorius Turonensis*. Liber de Gloria confessorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. by B. Krusch. – Hannover, 1969. – Т. I, V. 2. – P. 294–370.
- T.L2 – *Gregorius Turonensis*. Liber de Gloria martyrum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. by B. Krusch. – Hannover, 1969. – Т. I, V. 2. – P. 34–111.
- Б1 – *Будонивия*. Житие святой Радегунды. Гл. 1–14 / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – 2017. – № 25. – С. 306–328.
- Б2 – *Будонивия*. Житие святой Радегунды. Гл. 15–28 / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – 2018. – Вып. 26. – С. 207–225.
- П. – Постановление Турского церковного собора 567 года // Каролингская эпоха. Из истории Западной Европы в раннее Средневековье: Сборник документов / Под ред. А.А. Сванидзе, Г.П. Мягкова. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С. 98.
- С.С. – *Сульпиций Север*. Житие св. Мартина Турского // Сульпиций Север. Сочинения / Пер. А. И. Донченко. – М.: Росспэн, 1999. – С. 107–137.
- Т. – *Григорий Турский*. История франков / Изд. подгот. В.Д. Савукова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1987. – 462 с.
- Ф. – *Фортунат Венанций*. Житие святой Радегунды / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – 2012. – № 20. – С. 188–204.
- Ф.С. – *Фортунат Венанций*. Избранные стихотворения / Пер. с лат., вступ. статья, коммент. Р.Л. Шмараква. – М.: Водолей, 2009. – 280 с.

Литература

1. *Суприянович А.Г.* Представление гендерной истории в учебных текстах (на примере вузовских учебников по истории Средних веков) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. – 2008. – № 15. – С. 291–306.

2. *Cherewatuk K.* Radegund and epistolary tradition // *Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre* / Ed. by K. Cherewatuk, U. Wiethaus. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1993. – P. 20–45.
3. *Бикеева Н.Ю.* Поэтические послания св. Радегунды в Константинополь: «женские письма» как фактор внешней и внутренней политики франков в 60-е гг. VI в. // *Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре* / Отв. ред. А.В. Стогова, ред. А.Ю. Серёгина. – М.: ИВИ РАН, 2016. – С. 10–34.
4. *Rosenwein B.* Emotional Communities in the Early Middle Ages. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2006. – P. 100–129.
5. *Harrison D.* The Age of Abbesses and Queens: Gender and Political Culture in Early Medieval Europe. – Lund: Nordic Acad. Press, 1998. – 440 p.
6. *Schulenburg J.T.* Forgetful of Their Sex: Female Sanctity and Society, Ca. 500–1100. – Chicago: Univ. Chicago Press, 1998. – xii, 595 p.
7. *Бикеева Н.Ю.* Королева-монахиня: монастырь св. Радегунды как место власти // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории.* – 2007. – № 13. – С. 7–17.
8. *Jong M. de.* Monastic prisoners of opting out? Political coercion and honour in the Frankish kingdoms // *Topographies of Power in the Early Middle Ages* / Ed. by M. Jong, F. Theuws. – Leiden; Boston; Köln: Brill Acad. Publ., 2001. – P. 291–328.
9. *Dronke P.* Women Writers of the Middle Ages: A Critical Study of Texts from Perpetua to Marguerite Porete. – Cambridge: Cambridge Univ. Press. – 1984. – 352 p.
10. *Elliott D.* The Bride of Christ Goes to Hell: Metaphor and Embodiment in the Lives of Pious Women, 200–1500. – Philadelphia: Univ. of Pa. Press, 2011. – 470 p.
11. *Stevenson J.* Women Latin Poets: Language, Gender, and Authority, from Antiquity to the Eighteenth Century. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – 659 p.
12. *George J.W.* Venantius Fortunatus: Panegyric in Merovingian Gaul // *Mary Whitby. The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity.* – Brill Acad. Publ., 1998. – P. 225–246.
13. *Дюмезиль Б.* Королева Брунгильда / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. – СПб.: Евразия, 2012. – 560 с.
14. *Brennan B.* The career of Venantius Fortunatus // *Traditio.* – N. Y.: Fordham Univ., 1985. – V. 41. – P. 49–78.
15. *Heinzelmann M.* Gregory of Tours: History and Society in the Sixth Century / Trans. Ch. Carroll. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 248 p.
16. *The World of Gregory of Tours (Cultures, Beliefs and Traditions Medieval and Early Modern Peoples)* / Ed. by K.A. Mitchell, I.I.N. Wood. – Brill Acad. Publ., 2002. – V. 8. – xx, 438 p.
17. *Бикеева Н.Ю.* Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории.* – 2011. – № 19. – С. 105–107.
18. *Тьерри О.* Рассказы из времен Меровингов. – СПб., 1994. – 336 с.
19. *Фетжен Ж.-Л.* Сага об эпохе Меровингов: в 2 кн. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – Кн. 1: Вуали Фредегонды. – 368 с.

Поступила в редакцию
27.02.19

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Natalia.Bikeeva@kpfu.ru

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.43-59

**The Images of St. Radegund in the Sources of the Merovingian Epoch:
Letters, Lives, History, and Poetry**

N.Yu. Bikeeva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: Natalia.Bikeeva@kpfu.ru

Received February 27, 2019

Abstract

The paper discusses the sources of information about Radegund – the famous early medieval saint, the queen and nun – written by her contemporaries. These texts, which were the basis for studying the Radegund images in the following centuries, were made in the last third of the 6th – early 7th centuries. The image of this holy woman is contradictory and unclear: an image of ideal Christian is created in the Lives; the “History of the Franks” contains only fragmentary factual information; there is some information about the daily cares and needs of the monastery in letters; and the personal attitude of their author to Radegund appears in verses. At the same time, only a few facts can be considered undoubtedly reliable. It was shown in the paper that the significance and characteristics of various types of evidence – narrative, hagiographic, epistolary, and poetic – for the study of the biography and acts of St. Radegund clarifies the goals of the authors of the documents and their audience. The subjectivity of the sources reflects the views and preferences, the value system of their authors. The paper shows the process of mythologizing the identity of Radegund, which began in the late 6th century and continues to this day. As a result, over the centuries, the image of this saint woman has constantly changed under the influence of political, religious, ideological, as well as common worldviews. The conclusion was made about the need to study all types in combination for a deeper understanding of the personality and deeds of Radegund.

Keywords: Radegund, Gregory of Tours, Venantius Fortunatus, Baudonivia, lives, hagiography, asceticism, convent, early Middle Ages

References

1. Supriyanovich A.G. Gender history as represented in educational texts (based on university textbooks on the history of the Middle Ages). *Adam i Eva: Al'manakh Gendernoi Istorii*, 2008, no. 15, pp. 291–306. (In Russian)
2. Cherewatuk K. Radegund and epistolary tradition. In: Cherewatuk K., Wiethaus U. (Eds.) *Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre*. Philadelphia, Univ. Pennsylvania Press, 1993, pp. 20–45.
3. Bikeeva N.Yu. Poetic epistles of St. Radegund to Constantinople: “Female letters” as a factor of the foreign and domestic policy of the Franks in the 60s of the 6th century. In: *Lyapsusy i kazusy v evropeiskoi epistolyarnoi kul'ture* [Lapses and Incidents in European Epistolary Culture]. Strogova A.V., Seregina A.Yu. (Eds.). Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2016, pp. 10–34. (In Russian)
4. Rosenwein B. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca, Cornell Univ. Press, 2006, pp. 100–129.
5. Harrison D. *The Age of Abbesses and Queens: Gender and Political Culture in Early Medieval Europe*. Lund, Nordic Acad. Press, 1998. 440 p.
6. Schulenburg J.T. *Forgetful of Their Sex: Female Sanctity and Society, Ca. 500–1100*. Chicago, Univ. Chicago Press, 1998. xii, 595 p.

7. Bikeeva N.Yu. A royal nun: The monastery of St. Radegund as a place of power. *Adam i Eva: Al'manakh Gendernoi Istorii*, 2007, no. 13, pp. 7–17. (In Russian)
8. Jong M. de. Monastic prisoners of opting out? Political coercion and honour in the Frankish kingdoms. In: Jong M., Theuvs F. (Eds.) *Topographies of Power in the Early Middle Ages*. Leiden, Boston, Köln, Brill Acad. Publ., 2001, pp. 291–328.
9. Dronke P. *Women Writers of the Middle Ages: A Critical Study of Texts from Perpetua to Marguerite Porete*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1984. 352 p.
10. Elliott D. *The Bride of Christ Goes to Hell: Metaphor and Embodiment in the Lives of Pious Women, 200–1500*. Philadelphia, Univ. Pa. Press, 2011. 470 p.
11. Stevenson J. *Women Latin Poets: Language, Gender, and Authority, from Antiquity to the Eighteenth Century*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2005. 659 p.
12. George J.W. Venantius Fortunatus: Panegyric in Merovingian Gaul. In: *Mary Whitby. The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity*. Brill Acad. Pub, 1998, pp. 225–246.
13. Dumezil B. *Koroleva Brungil'da* [Queen Brunhilda]. St. Petersburg, Evraziya, 2012. 560 p. (In Russian)
14. Brennan B. The career of Venantius Fortunatus. *Traditio*, 1985, vol. 41, pp. 49–78.
15. Heinzelmann M. *Gregory of Tours: History and Society in the Sixth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2001. 248 p.
16. *The World of Gregory of Tours (Cultures, Beliefs and Traditions Medieval and Early Modern Peoples)*. Vol. 8. Mitchell K.A., Wood I.I.N. (Eds.). Brill Acad. Publ., 2002. xx, 438 p.
17. Bikeeva N.Yu. Private life of a holy woman in the Merovingian era: Radegund surrounded by people close to her. *Adam i Eva: Al'manakh Gendernoi Istorii*, 2011, no. 19, pp. 105–107. (In Russian)
18. Thierry O. *Rasskazy iz vremen Merovingov* [Stories from Merovingian Times]. St. Petersburg, 1994. 336 p. (In Russian)
19. Fetjaine J.-L. *Saga ob epokhe Merovingov* [A Saga about the Merovingian Epoch]. Book 1: Fredegund's veils. Moscow, RIPOL Klassik, 2009. 368 p. (In Russian)

Для цитирования: Бикеева Н.Ю. Образы святой Радегунды в источниках эпохи Меровингов: письма, жития, история, поэзия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 43–59. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.43-59.

For citation: Bikeeva N.Yu. The images of St. Radegund in the sources of the Merovingian epoch: Letters, lives, history, and poetry. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 43–59. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.43-59. (In Russian)